

УДК 94(38).08
DOI 10.52452/19931778_2021_6_47

ГРАЖДАНСКАЯ И ЭТНИЧЕСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ «АХЕЙЦЕВ» В 280–146 гг. до н.э.

© 2021 г.

С.К. Сизов

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Н. Новгород

Sergey_Sizov@yahoo.com

Поступила в редакцию 01.11.2021

Рассматриваются различия между способами идентификации и самоидентификации граждан Ахейского союза. Граждане полисов, вошедших в союз в III–II вв. до н.э., обычно в литературной традиции и в эпиграфике именуется «ахейцами», однако это название отражает скорее принадлежность их родных городов к федерации, а не этническую идентификацию. Ряд признаков указывает на то, что «ахейцы» ощущали себя прежде всего гражданами родного полиса, а в этническом отношении продолжали считать себя «аркадянами» или «дорийцами»; в надписях обозначение «ахеец из такого-то города» относится главным образом к выходцам из коренной Ахайи. Ахейский союз представлял собой главным образом военно-политическое сообщество, и «ахейцы» именуется в источниках таким образом лишь постольку, поскольку обладали федеральным гражданством.

Ключевые слова: ахеец, Ахайя, Ахейский союз, полис, Пелопоннес, федерация, гражданство, этническая идентичность, панэллиннизм, эпиграфика.

Приступая к сравнению политических позиций Филопемена и Аристена, двух видных деятелей Ахейского союза, Полибий (XXIV. 11. 1) представляет их читателю как «ахейцев». Тот же Филопемени в надписи на статуе, воздвигнутой ему в Дельфах от имени Ахейского союза, назван «мегалополитом» (FD III 1. 47)¹, а в стихотворении, начертанном на его посмертном памятнике в Тегее – «аркадянином» (Paus. VIII. 52. 6). Наиболее известна, между тем, характеристика, данная Филопемени неким римлянином: «последний из эллинов» (Plut. Philop. 1.7). Таким образом, этот выдающийся политик и военачальник представлял одновременно свой родной город Мегалополь, этнос аркадян, федерацию ахейцев и весь эллинский народ. Ко всем этим и подобным им сообществам в одно и то же время мог бы отнести себя и любой другой гражданин полиса, входившего в Ахейский союз. Каковы были различия между этими способами идентификации отдельных граждан Ахейского союза и существовала ли среди разных идентичностей какая-либо иерархия?

По всей видимости, даже в то время, когда федерация ахейцев уже имела длительную историю существования в качестве единого государства, объединявшего десятки разноплеменных полисов, полноправные жители этого союзного государства все же ощущали себя и воспринимались со стороны прежде всего как граждане своего родного города. Может быть, наиболее символической иллюстрацией этого

может служить исход спора между Эгием и Сикионом за право похоронить в своей земле Арата, человека, который всю сознательную жизнь посвятил деятельности на благо Ахейского союза и в известном смысле мог считаться создателем этой федерации в ее новом полиэтничном составе. Сикионянин Арат скончался в Эгии, который был религиозным и политическим центром федерации, и, по словам Плутарха (Arat. 53. 1), «ахейцы» (очевидно, прежде всего, жители Эгия) горели желанием захоронить его и воздвигнуть ему мемориал именно там, однако сикионяне настояли на том, что Арат должен быть похоронен в родном городе, и удостоили его погребения внутри стен города, преодолев старинный запрет подобных захоронений с помощью обращения к Дельфийскому оракулу. Разрешение, данное богом в прорицании, вызвало, как пишет биограф, радость у всех без исключения ахейцев (Ἀχαιοὶ σὺμπλαντες; Plut. Arat. 53.3). Несмотря на первоначальный порыв эгийцев, понимание того, что Арат принадлежал прежде всего Сикиону и уже затем – Ахейскому союзу, в конце концов возобладало везде. Уже упомянутый Филопемени, еще один замечательный предводитель ахейцев, также был похоронен и удостоен посмертных почестей, «равных тем, которые причитаются богам» ([τ]ῆμαῖς ἰσοθέοις; IG V.2, 432, стк. 4; Liv. XXXIX. 50. 9), в своем родном Мегалополе (Plut. Philop. 21. 4; Paus. VIII. 51. 8). Более тесная связь ахейцев с полисом, а не с союзным

государством, которая не прерывалась от рождения до смерти, отражается также в употреблении слова «родина» (πατρίς) в литературной традиции применительно к гражданам Ахейской федерации: «родиной» любого ахейца всегда называется именно город (Polyb. IV. 58. 12; V. 93. 2; VIII. 12. 7; Plut. Arat. 24. 5: 37. 3; Philop. 13. 1). В понимании официальных лиц иностранных государств, которые составляли тексты почетных декретов, тот или иной гражданин Ахейского союза представляет главным образом родной полис. Чаще всего указанием на происхождение ахейца в таких документах служит только название города, откуда он родом. Так обычно обозначается идентичность граждан Ахейской федерации в проксенических декретах Этолийского союза в III–II вв. до н.э.: IG IX 1² 13, стк. 37 (Δυμαῖοι[ς]); 17, сткк. 53 и 97 (Πελλανεῖ), стк. 132 (Πατρέοι[ς]); 25, стк. 54 (Αἰγιεῖ); 30а, стк. 14 (Δυμαῖοι), 31, сткк. 78–79 (Μεγαλοπολίταις) и стк. 89 (Θελοφουσίωι); 32, стк. 45 (Πατρέοις), SEG XLIV 438 (Δυμαῖοι). Такие же обозначения используются и при даровании проксении ахейцам в Дельфах: «коринфянин», «мегалополит», «сиконианин», «эгийец», «эгийяне» и т.д. (Syll.³ 585, сткк. 26, 29, 150, 215, 245, 259, 260, 273, 308, 309, 311; FD III 1. 49; 355; III 3. 125; 126). Этолийский город Каллиполь присвоил звание проксена гражданину города Асхей [1, р. 392, по. 5], локрийский Халей – «эгийцу» (IG IX 1² 3. 721B), Акарнанский союз – уроженцу Патр (IG IX 1² 208а, стк. 9), Илион – гражданину Димы (SEG XLIX 1753). Ни в одном из перечисленных документов не указано, что новоявленные проксены имеют какое-то отношение к Ахейскому союзу, хотя датировки надписей во всех случаях бесспорно демонстрируют, что соответствующие города в момент оказания почестей их гражданам входили в федерацию. Влиятельный политик «федерального уровня» Гиерон оказал большие услуги жителям Оропа, отстаивая их интересы на союзных собраниях, однако в постановлении оропяв в его честь он назван не «ахейцем», а гражданином города Эгийры (Syll.³ 675, сткк. 1–2 и 31).

Тем более излишней являлась идентификация того или иного лица как «ахейца» внутри союза. В повествовании Полибия, который, разумеется, следовал утвердившемуся среди ахейцев обыкновению, упоминание имени того или иного ахейского политика или военного, как правило, сопровождается указанием на то, какой город он представляет²; случаи, когда историк именуется какого-либо персонажа просто «ахейцем», крайне редки и относятся главным образом к личностям, происхождение которых

уже известно читателю, как, например, в пассаже, упомянутом в начале этой статьи (сравнение Филопемена и Аристана). Постановление одного ахейского полиса в честь гражданина другого содержит упоминание, из какого города тот происходит, но указания на то, что речь идет о гражданине Ахейского союза, в таких декретах нет³. Если ахеец умирал и был похоронен в другом городе союза, на надгробном памятнике высекалось имя и название его родной общины⁴. На это можно было бы возразить, что и в Афинах в документах, предназначенных для «внутреннего употребления», обязательно указывалась принадлежность гражданина к тому или иному дему или филе, что несколько не мешало ему считать себя прежде всего афинянином. Однако невозможно себе представить, чтобы за пределами Аттики почести оказывались не «афинянам», а «уроженцам дема Кефиссии», Ахарн или Алопеки. Совсем иначе обстояло дело, если декрет издавался в честь гражданина Ахейского союза: в глазах этолийцев, дельфийцев или акарнанов он представлял не столько федерацию, сколько родной полис. Еще важнее то, как сам ахеец воспринимал свою идентичность, оказываясь за рубежами союза. С этой точки зрения весьма показательна дельфийская манумиссия GDI 1774 – документ, составленный, разумеется, со слов хозяина отпускаемого на волю раба. Чтобы обозначить время составления этого акта, он продиктовал дельфийскому писцу имя тогдашнего стратега Ахейского союза, но себя самого назвал не «ахейцем», а гражданином города Эгия («Αἰγιεῖς»). Это редкий пример самоидентификации гражданина Ахейского союза за рубежом, и характерно именно то, что выбор он сделал в пользу родного полиса, а не союзного государства, хотя его город Эгий являлся своего рода цитаделью ахейского федерализма.

Тем не менее Полибий имел полное право утверждать, что граждан союза, к каким бы полисам они ни принадлежали, объединяет общее имя (ὄνομα, προσήγορία, ὄνομασία: II. 38. 1; 38. 4; IV. 1. 7), которое связано с ахейским, т.е. федеральным гражданством (τὴν πολιτείαν τῶν Ἀχαιῶν καὶ τὴν προσήγορίαν: II. 38. 4; τὴν αὐτὴν ἄγειν ὄνομασίαν καὶ πολιτείαν: IV. 1. 7). Как сказано в надписи о вступлении аркадского Орхомена в Ахейский союз, с момента присоединения к федерации «орхоменяне стали ахейцами» (οἱ Ὀρχομένιοι Ἀχαιοὶ ἐγένοντο: Syll.³ 490, сткк. 12, 13–14, 16–17)⁵. Это означает, что граждане Орхомена отныне приобрели и федеральное гражданство, вступив тем самым в более широкое сообщество «ахейцев». Гражданство Ахейского союза принадлежало, таким образом, всем

гражданам входивших в союз полисов, однако могло предоставляться и выходцам из других городов и областей Греции, например, беженцам⁶. В «Истории» Полибия, равно как и в других литературных источниках, общее название «ахейцев» обозначает именно граждан федерации, чаще всего в их совокупности: «ахейцы» проводят определенную политику, склоняются к тем или иным политическим решениям, заключают договоры, воюют и т.д. Отдельные группы людей выступают под этим именем, как правило, в ситуациях, когда они пользуются правами федеральных граждан, например, присутствуют, выступают и голосуют на союзных собраниях или исполняют гражданские обязанности (работают в федеральном правительстве, отправляются за рубеж в качестве послов, исполняют решения союзных органов, несут службу в гражданском ополчении⁷). Когда же Полибий пишет о частной жизни граждан союза, например, о росте их благосостояния после прекращения военных действий в Южной Греции, он предпочитает называть их «пелопоннесцами» (II. 38. 9; 62. 4). Также и в эпиграфических документах «ахейцы» как обобщающий термин фигурируют только в тех случаях, когда речь идет об участниках союзного собрания и членах ахейского правительства либо об отдельных группах лиц в связи с использованием ими прав федерального гражданства и исполнением соответствующих обязанностей, включая несение военной службы в союзных войсках⁸. Таким образом, граждане полисов Пелопоннеса одновременно являлись и гражданами Ахейской федерации, и, выступая в качестве таковых, могли именоваться «ахейцами».

Традиционно считается, что отражением этого т.н. «двойного гражданства» в греческих федерациях является нередко встречающийся в надписях «двойной этникон» наподобие: «ахеец из Димы», «этолиец из Мелитеи», «беотиец из Фив» и т.д. [4, S. 1313–1315, 1548; 8, 24–28; 12, Sp. 1174–1182; 13, p. XIV; 14, S. 174–181; 15, p. 244–245; 16, S. 195–198; 17, S. 17–18; 18, p. 86–88]. Однако подобное обозначение происхождения граждан Ахейского союза может иметь двоякое толкование. Если, например, граждане другого федеративного союза, объединявшего в это же время множество разноплеменных общин, а именно Этолийской федерации, не раз именовались в надписях из самых разных областей Греции «этолийцами из такого-то полиса», не будучи при этом этолийцами в этническом отношении, а представляя другие племена, вошедшие в союз (Syll.³ 380; 422; IG VII 287; FD III 1. 519; 4. 237), то «ахейцы из такого-то города» – это, как правило, уроженцы

городов исконной Ахайи, в отношении которых такое название могло иметь скорее этнический смысл⁹. В большинстве эпиграфических документов, где ахейцы имеют подобный «двойной этникон», речь идет о гражданах Эгия (IG IX 1² 12, стк. 16; 31, стк. 175–176; 667, стк. 4; [22, p. 111–116, no. III, l. B 1–3]), Димы (IG XII 4. 466, стк. 14; SEG XXIV 1179), Эгиры (IG XII 9. 1187, стк. 34; FD III 4. 419), Буры (IG IX 1² 12, сткк. 27–28), т.е. о представителях древнего ахейского этноса, сложившегося задолго до образования федерации¹⁰. Перечисленные надписи обнаружены в Этолии, Локриде, в Дельфах, на островах Эвбея и Кос и даже в Александрии Египетской, так что обычай именовать подобным образом выходцев из Ахайи был достаточно широко распространен. Напротив, граждане ахейских полисов, которые находились в других областях Пелопоннеса и в этническом отношении в большинстве своем считались дорийскими или аркадскими, идентифицируются как «ахейцы из такого-то города» заметно реже. Долгое время единственным источником, где встречались такого рода обозначения, были списки победителей Панафинейских игр, проводившихся в первые десятилетия II в. до н.э.¹¹ Среди атлетов и владельцев беговых лошадей упоминаются Ἀχαιὸς ἀπ' Ἄργου, Ἀχαιὸς ἀπὸ Μεσσηνίας (IG II² 2314, сткк. 17 и 27), Ἀχαιὸς ἀπὸ Σικυωνίας и Ἀχαιὸς ἀπὸ Κορίνθου (IG II² 2316, сткк. 6, 10, 13–15), а также несколько женщин, приславших на Панафинеи коней, колесницы и наездников, каждая из которых названа Ἀργεῖα ἀπ' Ἀχαιίας (IG II² 2313, сткк. 48, 50 и 54), что выглядит довольно странно (“curiously” [25, p. 92, n. 38]), поскольку Аргос в географическом смысле не имел никакого отношения к Ахайе. Некоторая необычность «двойных этниконов» в данном источнике состоит не столько в том, что название города приводится с предлогом ἀπὸ вместо обычного в таких случаях ἐκ или ἐξ, на что обратил особое внимание Дж. Рой [25, p. 92, n. 38], сколько в том, что в самих списках панафинейских победителей граждане Ахейского союза и других федераций далеко не всегда именовались подобным образом. Двое из них названы просто «аргивянами» (Ἀργεῖος: IG II² 2313, стк. 62; 2315, стк. 18), а три дочери Поликрата из Аргоса – владелицы конных упряжек – «аргивянками» (IG II² 2313, стк. 9, 13, 15), причем одна из них в том же документе фигурирует как «аргивянка из Ахайи» (IG II² 2313, стк. 50). Гражданин Патр, города, действительно находившегося в Ахайе, идентифицирован не как «ахеец из Патр», а как Πατρεύς (IG II² 2313, стк. 12). Противоположный пример: в надписи, где упоминаются «ахеец из Аргоса» и

«ахеец из Мессены», еще один победитель назван «беотийцем», но без указания того города Беотийского союза, который он представлял (IG II² 2314, сткк. 9 и 11). Можно было бы вслед за Дж. Роем признать указание двойных этниконов у ахейца из Аргоса или Коринфа неким отклонением от «нормальной практики» [25, p. 92], которое допустили по неизвестной нам причине составители панафинейских списков, однако не так давно была опубликована аналогичная надпись из Оропа, относящаяся к середине II в. до н.э. [26], где два победителя местных игр в честь Амфиарая и богини Ромы также названы «ахейцами из Сикиона» (IGor 521, сткк. 21, 43). Таким образом, указание двойных этниконов у ахейских победителей было не причудой афинских секретарей, а более или менее распространенным явлением. Остается лишь предполагать, почему именно в агонистических документах подчеркивается двойное гражданство выходцев из городов, расположенных за пределами собственно Ахайи. На подобных празднествах участники состязаний по древней традиции считались представителями своих полисов, независимо от того, находились ли они в составе более крупного государства, и не случайно, например, победители Олимпийских или Немейских игр даже в период принадлежности Аргоса и Элиды к Ахейскому союзу ни разу не именуется «ахейцами из такого-то города» [3, p. 203, n. 144; 27, p. 158–164]. Едва ли упомянутые выше «двойные этниконы» в надписях из Афин и Оропа появились вследствие того, что «победители считали более необходимым объявлять о своей двойной идентичности за пределами Пелопоннеса», как полагает И. Кралли [3, p. 203, n. 144]. Если такая инициатива со стороны сикионян, давно и прочно связавших себя с федерацией, еще была возможна, то, скажем, мессенинин Никомах, одержавший победу на Панафинейях в 186 г. до н.э. или чуть позже [23, p. 231], едва ли пылал желанием назвать себя «ахейцем» вскоре после того, как его полис был под давлением со стороны ахейцев и римлян присоединен к Ахейскому союзу, как раз в то время, когда в Мессене постепенно назревало недовольство, которое закончилось в 183–182 гг. до н.э. мятежом и выходом города из федерации¹². Вероятнее, речь должна идти не о самоидентификации победителей игр, а о каких-то соображениях, которые заставили организаторов празднеств в Афинах и Оропе время от времени называть аргивян или коринфян «ахейцами», может быть, чтобы подчеркнуть дружеские связи своих полисов с Ахейским союзом. В любом случае «двойной этникон», как справедливо отмечает П. Функе

[28, S. 130], несколько не противоречит греческой традиции считать родиной человека тот полис, гражданином которого он был¹³.

Как уже говорилось, идентификация того или иного человека как «ахейца» могла иметь и этнический смысл. «Ахеец из Эгия» мог именоваться так не потому, что был гражданином Ахейского союза, а потому, что принадлежал к исконному ахейскому этносу. Тем более вероятной является этническая подоплека этникона «ахеец» с указанием или без указания города, если речь идет о военных, находившихся на службе у царей эллинистических держав Востока. Командира наемников Антиоха III “Ἐνοίταν τὸν Ἀχαιόν” Полибий (V. 45. 6) называет «ахейцем», безусловно, имея в виду его происхождение из Ахайи. Египетский гарнизон Арсиной на Кипре около 200 г. до н.э. возглавлял [Ἀχαιὸς] ἐξ Αἰγίου [32, p. 18–19, no. 7], т.е. уроженец Эгия и поэтому ахеец в этническом смысле. Несколько птолемеевских клеруков в документах III в. до н.э., сохранившихся на папирусах, идентифицируют себя как «ахейцы» [33; 34, p. 35–36]¹⁴, что опять-таки следует понимать как «выходцы из Ахайи» [35, p. 1123–1124; 33, p. 62]. Возможно, на царской службе находились также некий Ἦρακλείτος Πολεμάρχου Ἀχαιός, который в 242 или 132 г. до н.э. оставил граффити в храме Осириса в Абидосе на память о своем посещении святилища (SB I 3766), и Δαμίων Πελλ[α]ν[ε]ῦς Ἀχαιός, столетием позже начертавший свое имя на пирамиде Хеопса (SB I 7212). Характерно то, что в далеких восточных странах «двойной этникон» употреблялся реже, чем указание этнического происхождения без упоминания города. Такая закономерность подмечена Я. Ржепкой и в отношении греков из других областей континентальной Эллады, находившихся на Востоке: чем дальше от Греции – тем чаще обозначение происхождения человека ограничивается упоминанием этноса, к которому он принадлежит, без уточнения, из какого полиса он родом. Возможно, это было вызвано тем, что жителям восточных стран названия небольших городов Ахайи или Этолии ничего не говорили [21, p. 78–80].

Может быть, именно по этой причине и выходцы из Аркадии, еще одной области Ахейского союза, в папирусных документах из Египта, как правило, именуется «аркадянами» [34, p. 28–30]. Находясь на службе у Птолемея, они, разумеется, не могли и не хотели называть себя «ахейцами», а название родного города не упоминали, поскольку их сослуживцы в большинстве своем с трудом могли представить себе, где находится тот или иной аркадский полис, за исключением, пожалуй, лишь Мегалополя¹⁵. Важ-

но подчеркнуть, что в период расцвета Ахейского союза аркадяне сохраняли свое особое этническое самосознание, и пребывая за пределами Пелопоннеса, и тем более оставаясь на родной земле, которая достаточно долго находилась в составе федерации ахейцев. Полибий, сам уроженец Аркадии, отзывается с похвалой и гордостью о достойных уважения традициях аркадского народа (IV. 20–21), упоминая о спорных пограничных территориях, находившихся под контролем Элиды, всякий раз подчеркивает, что это исконные аркадские земли (IV. 70. 3–4; 77. 8; 77.10). Подобный аркадский патриотизм проявлял в эти времена не только историк из Мегалополя. Его родной город после вхождения в Ахейский союз продолжал чеканить монету с изображениями, символизирующими общность аркадян (покровители Аркадии – Зевс Ликейский и Пан), лишь заменив надпись АРК на МЕГ [36, р. 63–64]. Надпись из того же Мегалополя о посмертных почестях Филопемону (IG V 2. 432) на строке 33 в контексте упоминания о каком-то агоне содержит фразу «достойную аркадян» (Ἀρκάσι ἀξίαν), что может указывать на общеаркадский, а не городской масштаб состязаний. В том же документе на строке 36, а также в похожей надписи о торжественных церемониях в память о Эвдаме, отце Лидиада (SEG LI 447, сткк. 17–18), упоминаются жрецы (ἱερόθυται) с уточнением – «те, что в городе», «городские». Отсюда вытекает довольно правдоподобная гипотеза: могла существовать и общеаркадская коллегия ἱερόθυται, ведавшая жертвоприношениями Зевсу Ликейскому [37, S. 132–134]. К декрету Мегалополя о признании панэллинского праздника в честь Артемиды в Магнесии на Меандре сделана приписка: «то же постановили и другие аркадяне» (I. Magnesia 38, сткк. 58–59; далее, на сткк. 60–68, перечислены названия 18 городов). На исходе III в. до н.э., когда был учрежден этот праздник, все эти полисы участвовали в Ахейском союзе, но феоры из Магнесии, посетившие данные города, убедились в том, что ощущение этнической общности аркадян все еще является достаточно сильным, и поэтому после возвращения продиктовали местному секретарю список городов, жители которых называли себя аркадянами (включив туда по ошибке три города Ахайи и Флиунт) и которые единодушно признали праздник в честь Артемиды¹⁶. Последним по времени проявлением аркадского этнического самосознания в годы расцвета Ахейского союза можно считать упоминание о группе людей, которые сообща владели участком земли на территории Трезена и пожертвовали этой собственностью ради укрепления оборо-

ны города накануне Ахейской войны 146 г. до н.э.: делая соответствующее заявление, они назвали себя «аркадянами» (IG IV 757, сткк. 20–21).

Таким образом, включение тех или иных общин в состав Ахейской федерации не препятствовало сохранению чувства племенной общности в отдельных областях Пелопоннеса, что не мешало сохранению их лояльности Ахейскому государству, а в некоторых случаях рост союза даже способствовал возрождению связей между городами одинакового этнического происхождения. После того как мессенская Азина оказалась в составе того же союзного государства, что и Гермiona, к гермионянам, на другой край Пелопоннеса, отправилось посольство из Азины, предложившее установить между городами дружеские отношения, поскольку их издревле связывают узы родства (συγγένεια: IG IV 679, сткк. 3, 7–8). Имелось в виду, что и те, и другие происходят от племени дриопов. Впрочем, этнический фактор мог и ослаблять прочность союза. Наиболее характерным примером может служить упорное нежелание основной массы спартиатов «стать ахейцами» после присоединения их города к союзу в 192 г. до н.э.: Спарта то поднимала мятеж, то отправляла многочисленные посольства в Рим с жалобами на политику ахейских властей, то отказывалась чеканить монету с надписью «ахейцев лакедемонян» [29, р. 178–179], иными словами, всячески противилась интеграции в состав союза. Помимо полисного патриотизма, питаемого воспоминаниями о былом величии, негативное отношение спартиатов к федерализму подогревалось и этнической рознью, в частности давней и неизбывной враждой между Лакедемоном и значительной частью аркадян, пограничными спорами с соседями, стремлением спартиатов любыми способами показать уникальность своих традиций, подобных которым не было ни у ахейцев, ни у аркадян, ни у других этнических групп в Пелопоннесе¹⁷. Разумеется, не сохранилось ни одной надписи, где спартиаты называли бы себя «ахейцами». Напротив, они всеми способами, даже особыми прическами, одеждой и обувью, подчеркнуто демонстрировали свое отличие от прочих жителей Пелопоннеса (Paus. VII. 14. 2). Надо полагать, что фактор этнической розни в немалой степени затруднял интеграцию в состав союза ахейцев и таких областей, как Мессения и Элида, хотя неприятие федерализма в этих регионах (по крайней мере, после мессенского восстания) не проявлялось в столь вызывающей форме, как это было в Спарте.

Все представленные здесь соображения приводят к тому выводу, что успехи федеративного движения в Пелопоннесе не вызвали суще-

ственных сдвигов в этническом самосознании обитателей Южной Греции. Граждане разноплеменных полисов даже через много лет после того, как они «стали ахейцами», не изменили свою прежнюю этническую идентичность, в отличие, например, от некоторых общин Озольской Локриды, которые во времена Павсания продолжали считать себя «этолийцами» (Paus. X. 38. 4). Нет никаких признаков того, что пелопоннесцы подверглись серьезной этнической ассимиляции: продолжали существовать различные местные диалекты, хотя в Пелопоннесе, как и во всем греческом мире, в эллинистический период происходило их сближение [40, р. 267–268]; нет свидетельств тому, что объединявший жителей коренной Ахайи культ Зевса Гомария каким-то образом потеснил местные культы в других частях Пелопоннеса¹⁸; не были созданы новые или пересмотрены старые мифы о происхождении тех или иных общин, как это обычно происходило при формировании новых этнических групп в архаическое и раннеклассическое время. Возможно, утверждение Ш. Агер, согласно которому в разных городах федерации «мало что было действительно «ахейским», кроме имени» [39, р. 189], не вполне соответствует реальной ситуации, но все же следует признать, что Ахейский союз представлял собой главным образом военно-политическое сообщество, а «ахейцы» выступали в качестве таковых лишь постольку, поскольку обладали федеральным гражданством. Имя «ахейцев» жители регионов за пределами собственно Ахайи носили лишь до тех пор, пока существовал сам союз.

Память о временах расцвета Ахейского союза существовала в Элладе еще долго, но попытки Ф. Уолбэнк [41, р. 149–151] усмотреть признаки сохранения «ахейской» идентичности как отражения общности эллинов в разных регионах Греции во времена Империи («Ахайя» как название провинции, «Панахейский союз» как одно из названий разноплеменного объединения греческих общин внутри этой провинции) представляются не слишком убедительными. Такая фразеология была искусственно инспирирована римлянами, которые присвоили Элладе название «Ахайя» в память об Ахейской войне как о последнем этапе покорения Греции (Paus. VII. 16. 10), и жители провинции отныне послушно называли свою страну так, как было предписано завоевателями, а не потому, что хотели подчеркнуть свою национальную идентичность («express their Greekness»), как считает Уолбэнк [41, р. 151]. Даже во времена наивысшего расцвета Ахейского союза понятия «ахейский» и «эллинский» никогда не смешивались и не являлись синонимами. Сам Уолбэнк в другой своей работе [6, р. 333] отмечает, что панэллин-

ские мотивы почти никогда не звучали в выступлениях ахейских политиков, которых заботило прежде всего единство Пелопоннеса. Добавим, что ахейцы, в отличие от той же Этолии, не пытались извлечь политическую выгоду из того обстоятельства, что под их контролем оказались территории, где проводились великие панэллинские праздники – Олимпийские, Немейские и Истмийские игры [3, р. 412]. Тем не менее ощущение принадлежности к эллинскому народу никогда не покидало ахейских граждан. Одним из ярких доказательств этого может служить решение мегалополитов возвестить о почестях, воздаваемых Эвдаму, «на состязаниях, которые проводят эллины» (SEG LII 447, стк. 21). Имеются в виду Элевтерии, которые устраивались в Платеях в память о победе эллинов над персами [37, S. 134–138; 42, S. 317–319; 43, р. 162]. Как видно, ахейские полисы не только участвовали в торжествах, которые имели ярко выраженный панэллинский характер, но и пытались прославить своих сограждан как героев всей Эллады наравне с бойцами, отстоявшими свободу Греции при Платеях.

Таким образом, граждане Ахейского союза прежде всего считали себя представителями родного полиса, однако не забывали и о своей этнической идентичности, в определенных обстоятельствах выступали в качестве «ахейцев», оставаясь при этом эллинами. Такая множественная самоидентификация была характерна для обитателей эллинистического мира и особенно Римской империи, где каждый человек имел несколько различных идентичностей, каждая из которых в зависимости от ситуации могла выступать на первый план [44; 45], и, скажем, Лукиан из Самосаты мог представляться в различных местах и сообществах то римлянином, то сирийцем, то греком [46, р. 298–329]. Однако федерация ахейцев не просуществовала столь долго и не достигла столь великого могущества, как Римская держава, отчего «ахейская» идентичность не оставила в сознании пелопоннесцев такого осязаемого следа, как идентичность «римлян» в сознании подданных Римской империи.

Данная работа подготовлена при поддержке РФФИ в рамках гранта «Институт гражданства в федеративных и имперских государствах античности в постклассическое время: правовые основы, практики, дискурсы» (проект № 20-09-00099).

Список сокращений

BCH – Bulletin de correspondance hellénique.
Corinth VIII, 1 – Corinth VIII.1: Greek Inscriptions, 1896–1927 / Ed. B.D. Meritt. Cambridge, Ma.: Harvard University Press, 1931. 180 p.

FD III – Fouilles de Delphes. III: Épigraphie. Paris: de Boccard, 1929-.

GDI – Collitz H., Bechtel E. Sammlung der griechischen Dialekt-Inschriften. Bd. 1–4. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1884–1915.

IG – Inscriptiones Graecae. Berlin: De Gruyter: 1890-.

I.Magnesia – Kern O. Die Inschriften von Magnesia am Maeander. Berlin: Spemann, 1900. 296 S.

IOop – Πετράκος Β. Χ. Οι επιγραφές του Ωρωπού. Αθήνα: Η Εν Αθήναις Αρχαιολογική εταιρεία, 1997. 763 σ.

RE – Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissenschaft. Stuttgart: Metzler, 1893-.

SB I – Sammelbuch griechischer Urkunden aus Ägypten / Ed. F. Priesigke et al. Bd. 1. Strassburg: Trübner, 1915. 684 S.

SEG – Supplementum Epigraphicum Graecum. Leiden, Amsterdam: Gieben, 1923-.

Syll.³ – Dittenberger W. Sylloge Inscriptionum Graecarum, editio tertia. Vol. 1–3. Leipzig: Hirzel, 1915–1920.

ZPE – Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik.

Примечания

1. На статуе Аристена, которую ахейцы также установили в Дельфах, он именуется «димейцем», т.е. гражданином города Димы (FD III 3. 122).

2. Ограничимся двумя показательными примерами: (1) описывая союзное собрание 186/5 г. до н.э., историк представляет выступавших на нем политиков: Никодем из Элиды (Polyb. XXII. 7. 5), Аполлонид из Сикиона (8. 1), Кассандр с Эгины (8. 9), хотя следующих ораторов, уже хорошо знакомых читателю, называет просто по имени: Ликорт (9. 2 – отец историка) и стратег Аристен (9. 5); (2) начиная рассказ о предвыборном совещании сторонников Ликорта в 170 г., Полибий (XXVIII. 6. 2) перечисляет его участников с обязательным указанием родного города каждого из них.

3. Декрет Коринфа в честь Никада из Эгия: Corinth VIII, 1, р. 2–3, по. 2; благодарственная надпись спартанских изгнанников в Олимпии в честь Калликрата из Леонтия: Syll.³ 634.

4. Надгробие из Димы: Φιλοκράτης Φαρεύς [2, по. 54].

5. Такое выражение, очевидно, было официальным обозначением присоединения любого города к федерации. Плутарх в биографии Арата (23. 4), вероятно, воспроизводит фразеологию, использованную в мемуарах его героя, повествуя о решении коринфян вступить в союз: «Арат убедил коринфян стать ахейцами (συνέλεισε τοὺς Κορινθίους Ἀχαιοὺς γενέσθαι)». Предполагается даже, что само это выражение было впервые сформулировано Аратом и затем стало общепринятым [3, р. 185].

6. Когда Делос был захвачен афинянами, покинувшие остров жители получили ахейское гражданство (πολιτογραφηθέντες Ἀχαιοί: Polyb. XXXII. 7. 3). Этот акт имел вполне реальные юридические последствия, поскольку в 158 г. до н.э. осевшие в Пелопоннесе делосцы в качестве ахейских граждан собрались судиться с афинянами на основании ахейско-афинского соглашения. В литературе высказываются различные точки зрения относительно того,

остались ли натурализованные делосцы исключительно федеральными гражданами [4, S. 1549; 5, р. 113] или были приписаны к гражданскому коллективу какого-либо ахейского полиса или полисов [6, р. 525; 7, с. 244; 8, р. 32]. В некоторых случаях дарование федерального гражданства иноземцам имело символический характер, считалось лишь почестью и на практике не использовалось (Syll.³ 653A, стк. 10).

7. К числу обязанностей федеральных граждан иногда относят также уплату налога в союзную казну [4, S. 1317, Anm. 6; 8, р. 33; 9, S. 98; 10, S. 30]. Это представление основано на произвольном и крайне спорном восстановлении строк 33–34 в надписи Syll.³ 531: κοινωνέοντῶ <...> τῶν τε εἰς τὸ κοινὸν [φόρων καὶ τὰς εἰσφορ]ᾶς, т.е. «пусть они (новые граждане) участвуют в уплате союзных налогов и взноса». На самом деле обязанность внесения средств в союзную казну возлагалась на полисы, а не на отдельных граждан (Polyb. IV. 60. 1–10; V. 30. 5; 91. 4; 94.9). Этот вопрос подробно разбирается в другой нашей работе [11, с. 109–114].

8. См., например, декрет Мессены (SEG. LVIII. 370, сткк. 5–11): «мегалополиты вначале захотели, обратившись к ахейцам, лишить нас городов Эндании и Пиланы со всей округой, и требование [...] ахейцам, но ахейцы возразили мегалополитам, что земля Мессении не должна быть передана им». Здесь речь идет о позиции федеральных органов власти. В документе из города Димы говорится о том, что лишение гражданской чести в этом городе повлечет за собой и утрату прав «среди ахейцев», т.е. федерального гражданства: [ἄτιμο]ι ὄντ[ω] καὶ ἐν τοῖς Ἀχαιοῖς καὶ κατὰ λόλιν [2, по. 1, стк. 11]. В 210/9 г., одержав победу над элейцами (Liv. XXVII. 31. 9 – 32. 7), «ахейцы и стратег Киклиад» делают посвящение богам [2, по. 127]. «Ахейцы» из 19 городов, служившие в войске под командованием Дамона из Патр, воздвигли в Олимпии статую своему военачальнику (SEG XV 254, предлагается несколько возможных датировок этой надписи). Список жителей Эпидавра, погибших в сражении на Истме в 146 г. до н.э. (IG IV² 1. 28) включает в себя три категории лиц: граждан города, «ахейцев» и метеков. Под «ахейцами» следует понимать тех граждан других полисов федерации, которые жили в Эпидавре и уходили оттуда на войну. С одной стороны, они пользовались в городе особым правовым статусом и поэтому упомянуты отдельно от обычных метеков, с другой стороны, выполняли долг граждан федерации, явившись в союзное ополчение.

9. «Двойной этникон» далеко не всегда указывал на гражданство того или иного лица в федеративном государстве. Известны многочисленные случаи, когда таким образом обозначалось этническое происхождение человека одновременно с его принадлежностью к определенному полису. Например, задолго до образования Аркадского союза были возможны идентификации наподобие «аркадянин из Стимфала»; в Македонии, которая федеративным государством не являлась, выражение «македонянин из такого-то города» было обычным обозначением происхождения [19; 20, р. 57–61; 21, р. 73–76].

10. В одном из перечисленных случаев, однако, «ахеец из Димы» назван так, скорее, как представитель Ахейской федерации, а не уроженец Ахайи, поскольку стоял в главе делегации феоров, отправленных в Египет от имени союза в 215 г. до н.э. (SEG XXIV 1179).

11. Этим документам посвящено специальное исследование [23], где примерно определены даты упомянутых в списках игр. Кроме агонистических списков, не существует других известных надписей, где «ахейцем из такого-то города» назывался бы гражданин полиса, расположенного за пределами исконной Ахайи. Предложенное Г. Дунстом восстановление «ахеец из Элиды» [24, S. 142] в надписи SEG XXII 350, где от этника героя уцелело всего 2–3 буквы, представляется весьма сомнительным и в литературе не поддержано.

12. Присоединение Мессены к Ахейскому союзу в 191 г. до н.э.: Liv. XXXVI. 31. 1–9; 35. 7. Нарастание недовольства в Мессене в середине 180-х гг.: Polyb. XXII. 10. 4–6. Восстание мессенян и его подавление ахейцами: Polyb. XXIII. 12. 1–3; 16. 1–13; Liv. XXXIX. 49. 1–50. 9; Plut. Philop. 18–21; Paus. IV. 29. 11–12; VIII. 51. 5–8.

13. Особым случаем употребления «двойного этника» была развернутая в первой половине II в. до н.э. чеканка единообразных бронзовых монет с надписями «ахейцев сикионян», «ахейцев мегалополитов», «ахейцев коринфян» и т.д., с одинаковыми союзными символами и по единому стандарту. 45 или 46 ахейских городов выпускали эти монеты в течение ряда лет, безусловно, выполняя утвержденное союзными органами власти решение [29; 30; 31]. Каковы бы ни были цели этой чеканки, такие монеты отражали идентичность целых гражданских общин, входивших в союз, и как самостоятельных полисов, и как подразделений большого государственного сообщества «ахейцев». Следует подчеркнуть, что и в этом случае речь не идет о добровольной самоидентификации, поскольку использование «двойного этника» в качестве легенды на монетах было исполнением постановления, принятого федерацией.

14. Один из упомянутых «ахейцев», строго говоря, не являлся клерухом, поскольку арендовал землю у частного лица, но, скорее всего, был отставным военным [33, p. 64].

15. Этникон «мегалополит» не раз фигурирует в египетских документах; правда речь в них идет не о клерухах, а о послых Ахейского союза [34, p. 210–211].

16. Именно таким образом, причем достаточно убедительно, объяснил появление данного заголовка над списком 18-ти городов Дж. Рой [38, p. 125–129]. После появления этой работы ранее высказывавшиеся предположения относительно того, что этот список отражает состав некоего аркадского союза или округа в рамках Ахейской федерации, можно считать опровергнутыми.

17. Подробно вопрос об этнической подоплеке конфликтов между Спартой и ахейцами разбирается в специальной работе Ш. Агер [39].

18. Хотя святилище Зевса Гомария считалось религиозным центром федерации, не обнаружено ни одного посвящения этому божеству за пределами Ахайи, если не считать надписи на камне, видимо, на домашнем алтаре, найденной в дельте Нила, в 60 км

от Александрии (SB I 367). Само местоположение находки указывает, что почитателями Зевса Гомария были клерухи, очевидно, выходцы из Эгия или другого города Ахайи. Ф. Уолбэнк отмечает, что присутствие этого культа в частной жизни пелопонесских греков за пределами Ахайи практически не прослеживается [41, p. 148]

Список литературы

1. Rousset D. Les inscriptions de Kallipolis d'Étolie // BCH. 2006. Vol. 130. P. 381–434.

2. Rizakis A.D. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes: de Boccard, 2008. 496 p.

3. Kralli I. The Hellenistic Peloponnese: Interstate Relations. A Narrative and Analytic History, from the Fourth Century to 146 BC. Swansea: The Classical Press of Wales, 2017. 556 p.

4. Busolt G. Griechische Staatskunde / 3.Aufl., bearbeitet von H. Swoboda. Heft 1-2. München: Beck, 1926. 1590 S.

5. Aymard A. Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux: Feret et fils, 1938. 450 p.

6. Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford: Clarendon, 1979. 834 p.

7. Хабиخت Х. Афины. История города в эллинистическую эпоху. М.: Ладомир, 1999. 416 с.

8. Rizakis A.D. La double citoyenneté dans le cadre des koina grecs: l'exemple du *koinon* achéen // Patrie d'origine et patries sélectives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine / Ed. A. Heller, A.-V. Pont. Paris, Bordeaux: Ausonius, 2012. P. 23–38.

9. Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Tl. 1. Leipzig: Teubner, 1957. 122 p.

10. Giovannini A. Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympoliteie in Griechenland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 99 S.

11. Сизов С.К. Союзный бюджет в федерациях эллинистической Греции // Studia historica. 2018. Вып. XVI. С. 99–118.

12. Schwahn W. Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A₁. 1931. Sp. 1171–1266.

13. Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. 537 p.

14. Beck H. Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v.Chr. Stuttgart: Steiner, 1997. 316 S.

15. Rzepka J. *Ethnos, koinon, sympoliteia*, and Greek Federal States // *Ἐπεργεσίας χάριν*. Studies Presented to B. Bravo and E. Wipszycka by their Disciples / Ed. T. Derda, M. Urbanik, M. Wecowski. Warsaw: Fundacja im. Rafała Taubenschlaga, 2002. P. 225–247.

16. Funke P. Alte Grenzen – neue Grenzen. Formen polisübergreifender Machtbildung in klassischer und hellenistischer Zeit // Räume und Grenzen. Topologische Konzepte in den antiken Kulturen des östlichen Mittelmeerraums / Ed. R. Albertz, A. Blöbaum, P. Funke. München: Utz, 2007. S. 187–204.

17. Freitag K. Ethnogenese, Ethnizität und die Entwicklung der griechischen Staatenwelt in der Antike // *Historische Zeitschrift*. 2007. Bd. 285. S. 373–399.
18. Lasagni Ch. *Politeia* in Greek Federal States // *Citizens in the Graeco-Roman World* / Ed. L. Cecchet, A. Busetto. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 78–109.
19. Roy J. Arcadian Nationality as seen in Xenophon's *Anabasis* // *Mnemosyne*. 1972. Vol. 35. P. 129–136.
20. Nielsen T.H. *Arkadia and its Poleis in the Archaic and Classical Periods*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 680 p.
21. Rzepka J. *Greek Federal Terminology*. Gdansk: Foundation for the Development of University of Gdansk, 2017. 110 p.
22. Themis A., Zavvou E. New Hellenistic Inscriptions from Phigaleia (Arcadia) // *From Document to History: Epigraphic Insights into the Greco-Roman World* / Ed. C. Noreña, N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2019. P. 103–119.
23. Tracy S.V., Habicht C. New and Old Panathenaic Victor Lists // *Hesperia*. 1991. V. 60. P. 187–236.
24. Dunst G. Die Inschrift des Periodoniken Leon // *ZPE*. 1968. Bd. 3. S. 139–148.
25. Roy J. The Achaian League // *The Idea of European Community in History. Conference Proceedings* / Ed. K. Buraselis, K. Zoumboulakis. Vol. 2. Athens: National and Capodistrian University of Athens, 2003. P. 81–96.
26. Kalliontzis Y. La date de la première célébration des Amphiareia-Romaia d'Oropos // *Revue des Études Grecques*. 2016. T. 129. P. 85–105.
27. Kralli I. The Panhellenic Games in the Political Agenda of Hellenistic Leaders // *War-Peace and Panhellenic Games* / Ed. N. Birgalias and others. Athens: Kardamitsa, 2013. P. 149–167.
28. Funke P. Was ist der Griechen Vaterland? // *Geographia Antiqua*. 2009. Vol. 17. S. 123–131.
29. Warren J.A.W. *The Bronze Coinage of the Achaian Koinon. The Currency of a Federal Ideal*. London: Royal Numismatic Society, 2007. 212 p.
30. Benner S. M. *Achaian League Coinage of the 3rd through 1st Centuries B. C.* Lancaster, London: Classical Numismatic Group, 2008. 188 p.
31. Grandjean C. Polybe et la nature de l'État achaien 237.9-11 // *Stéphanéphoros. De l'économie antique à l'Asie mineure: hommages à Raymond Descat* / Ed. K. Konuk. Bordeaux: Ausonius, 2012. P. 85–94.
32. Mitford T.B. *Contributions to the Epigraphy of Cyprus. Some Hellenistic Inscriptions* // *Archiv für Papyrusforschung und verwandte Gebiete*. 1938. Bd. 13. P. 13–38.
33. Bingen J. *Les papyrus ptolémaïques et la diaspora achaienne* // *Achaia und Elis in der Antike* / Ed. A. Rizakis. Athen: de Boccard, 1991. P. 61–66.
34. La'da C. *Foreign Ethnics in Hellenistic Egypt*. Leuven, Paris, Dudley: Peeters, 2002. 384 p.
35. Launey M. *Recherches sur les armées hellénistiques*. T. 1-2. Paris: de Boccard, 1950. 1318 p.
36. Thompson M. *The Agrinion Hoard*. New York: The American Numismatic Society, 1968. 130 p.
37. Stavrianopoulou E. Die Familienexedra von Eudamos und Lydiadas in Megalopolis // *Tekmeria*. 2002. Vol. 7. S. 117–155.
38. Roy J. "The Arkadians" in *Inschriften von Magnesia 38* // *ZPE*. 2003. Bd. 145. P. 123–130.
39. Ager S. *The Limits of Ethnicity: Sparta and the Achaian League* // *Ethnos and Koinon* / Ed. H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley. Stuttgart: Steiner, 2019. P. 175–192.
40. Shipley G. *The Early Hellenistic Peloponnese: Politics, Economies, and Networks, 338–197 BC*. Cambridge: University Press, 2018. 355 p.
41. Walbank F.W. *Hellenes and Achaeans: "Greek nationality" revisited* // *Walbank F.W. Polybios, Rome, and the Hellenistic World*. Cambridge: University Press, 2002. P. 137–152.
42. Jung M. *Marathon und Plataiai: Zwei Perserschlachten als lieux de memoire im antiken Griechenland*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 427 S.
43. Wallace S. *The Significance of Plataia for Greek Eleutheria in the Early Hellenistic Period* // *Creating a Hellenistic World* / Ed. A. Erskine, L. Llewellyn-Jones. Swansea: The Classical Press of Wales, 2011. P. 147–176.
44. *Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic, and the Development of Empire* / Ed. S. Goldhill. Cambridge: University Press, 2001. 404 p.
45. Williamson G. *Aspects of Identity // Coinage and Identity in the Roman Provinces* / Ed. C. Howgego, V. Heuchert, A. Burnett. Oxford: University Press, 2005. P. 19–27.
46. Swain S. *Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250*. Oxford: Clarendon, 1996. 512 p.

CIVIC AND ETHNIC IDENTITY OF THE «ACHAIANS» FROM 280 TO 146 BCE

S.K. Sizov

This paper makes a distinction between different ways of identification and self-identification of the citizens of the Achaian *koinon*. Citizens of the *poleis* that joined the federal state in the 3rd and 2nd centuries BCE are commonly called "Achaians" in the narrative tradition and in epigraphy, but this name reflected rather the participation of their hometowns to the federation than ethnic identification. A number of signs indicate that the "Achaians" considered themselves primarily as citizens of their native *poleis*. Ethnically, they continued to identify themselves as "Arkadians" or "Dorians"; in the inscriptions the designation "Achaian from a certain city" refers mainly to people from the indigenous Achaia. The Achaian *koinon* was mainly a military-political community, and the "Achaians" are referred to as such in the sources only insofar as they possessed federal citizenship.

Keywords: Achaian, Achaia, the Achaian *koinon*, *polis*, the Peloponnese, federal state, citizenship, ethnic identity, panhellenism, epigraphy.

References

1. Rousset D. Les inscriptions de Kallipolis d'Étolie // BCH. 2006. Vol. 130. P. 381–434.
2. Rizakis A.D. Achaïe III. Les cités achéennes: épigraphie et histoire. Athènes: de Boccard, 2008. 496 p.
3. Kralli I. The Hellenistic Peloponnese: Interstate Relations. A Narrative and Analytic History, from the Fourth Century to 146 BC. Swansea: The Classical Press of Wales, 2017. 556 p.
4. Busolt G. Griechische Staatskunde / 3. Aufl., bearbeitet von H. Swoboda. Heft 1-2. München: Beck, 1926. 1590 S.
5. Aymard A. Les assemblées de la confédération achaienne: étude critique d'institutions et d'histoire. Bordeaux: Feret et fils, 1938. 450 p.
6. Walbank F.W. A Historical Commentary on Polybius. Vol. 3. Oxford: Clarendon, 1979. 834 p.
7. Habicht H. Athens. The history of the city in the Hellenistic era. M.: Ladomir, 1999. 416 p.
8. Rizakis A.D. La double citoyenneté dans le cadre des koina grecs: l'exemple du *koinon* achéen // Patrie d'origine et patries sélectives: les citoyennetés multiples dans le monde grec d'époque romaine / Ed. A. Heller, A.-V. Pont. Paris, Bordeaux: Ausonius, 2012. P. 23–38.
9. Ehrenberg V. Der Staat der Griechen. Tl. 1. Leipzig: Teubner, 1957. 122 p.
10. Giovannini A. Untersuchungen über die Natur und die Anfänge der bundesstaatlichen Sympolitie in Griechenland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1971. 99 S.
11. Sizov S.K. Union budget in the federations of Hellenistic Greece // Studia historica. 2018. Issue XVI. P. 99–118.
12. Schwahn W. Συμπολιτεία // RE. Bd. IV A₁. 1931. Sp. 1171–1266.
13. Larsen J.A.O. Greek Federal States: Their Institutions and History. Oxford: Clarendon, 1968. 537 p.
14. Beck H. Polis und Koinon. Untersuchungen zur Geschichte und Struktur der griechischen Bundesstaaten im 4. Jahrhundert v. Chr. Stuttgart: Steiner, 1997. 316 S.
15. Rzepka J. *Ethnos, koinon, sympoliteia*, and Greek Federal States // *Εὐεργεσίας χάριν*. Studies Presented to B. Bravo and E. Wipszycka by their Disciples / Ed. T. Derda, M. Urbanik, M. Wecowski. Warsaw: Fundacja im. Rafała Taubenschlaga, 2002. P. 225–247.
16. Funke P. Alte Grenzen – neue Grenzen. Formen polisübergreifender Machtbildung in klassischer und hellenistischer Zeit // Räume und Grenzen. Topologische Konzepte in den antiken Kulturen des östlichen Mittelmeerraums / Ed. R. Albertz, A. Blöbaum, P. Funke. München: Utz, 2007. S. 187–204.
17. Freitag K. Ethnogenese, Ethnizität und die Entwicklung der griechischen Staatenwelt in der Antike // Historische Zeitschrift. 2007. Bd. 285. S. 373–399.
18. Lasagni Ch. *Politeia* in Greek Federal States // Citizens in the Graeco-Roman World / Ed. L. Cecchet, A. Busetto. Leiden, Boston: Brill, 2017. P. 78–109.
19. Roy J. Arcadian Nationality as seen in Xenophon's Anabasis // Mnemosyne. 1972. Vol. 35. P. 129–136.
20. Nielsen T.H. Arkadia and its Poleis in the Archaic and Classical Periods. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2002. 680 p.
21. Rzepka J. Greek Federal Terminology. Gdansk: Foundation for the Development of University of Gdansk, 2017. 110 p.
22. Themos A., Zavvou E. New Hellenistic Inscriptions from Phigaleia (Arcadia) // From Document to History: Epigraphic Insights into the Greco-Roman World / Ed. C. Noreña, N. Papazarkadas. Leiden: Brill, 2019. P. 103–119.
23. Tracy S.V., Habicht C. New and Old Panathenaic Victor Lists // Hesperia. 1991. V. 60. P. 187–236.
24. Dunst G. Die Inschrift des Periodoniken Leon // ZPE. 1968. Bd. 3. S. 139–148.
25. Roy J. The Achaian League // The Idea of European Community in History. Conference Proceedings / Ed. K. Buraselis, K. Zoumboulakis. Vol. 2. Athens: National and Capodistrian University of Athens, 2003. P. 81–96.
26. Kalliontzis Y. La date de la première célébration des Amphiareia-Romaia d'Oropos // Revue des Études Grecques. 2016. T. 129. P. 85–105.
27. Kralli I. The Panhellenic Games in the Political Agenda of Hellenistic Leaders // War-Peace and Panhellenic Games / Ed. N. Birgalias and others. Athens: Kardamitsa, 2013. P. 149–167.
28. Funke P. Was ist der Griechen Vaterland? // Geographia Antiqua. 2009. Vol. 17. S. 123–131.
29. Warren J.A.W. The Bronze Coinage of the Achaian *Koinon*. The Currency of a Federal Ideal. London: Royal Numismatic Society, 2007. 212 p.
30. Benner S. M. Achaian League Coinage of the 3rd through 1st Centuries B. C. Lancaster, London: Classical Numismatic Group, 2008. 188 p.
31. Grandjean C. Polybe et la nature de l'État achaien 2.37.9-11 // Stéphanéphoros. De l'économie antique à l'Asie mineure: hommages à Raymond Descat / Ed. K. Konuk. Bordeaux: Ausonius, 2012. P. 85–94.
32. Mitford T.B. Contributions to the Epigraphy of Cyprus. Some Hellenistic Inscriptions // Archiv für Papyrologie und verwandte Gebiete. 1938. Bd. 13. P. 13–38.
33. Bingen J. Les papyrus ptolémaïques et la diaspora achaienne // Achaia und Elis in der Antike / Ed. A. Rizakis. Athen: de Boccard, 1991. P. 61–66.
34. La' da C. Foreign Ethnics in Hellenistic Egypt. Leuven, Paris, Dudley: Peeters, 2002. 384 p.
35. Launey M. Recherches sur les armées hellénistiques. T. 1-2. Paris: de Boccard, 1950. 1318 p.
36. Thompson M. The Agrinion Hoard. New York: The American Numismatic Society, 1968. 130 p.
37. Stavrianopoulou E. Die Familienexedra von Eudamos und Lydiadas in Megalopolis // Tekmeria. 2002. Vol. 7. S. 117–155.
38. Roy J. "The Arkadians" in Inschriften von Magnesia 38 // ZPE. 2003. Bd. 145. P. 123–130.
39. Ager S. The Limits of Ethnicity: Sparta and the Achaian League // Ethnos and Koinon / Ed. H. Beck, K. Buraselis, A. McAuley. Stuttgart: Steiner, 2019. P. 175–192.
40. Shipley G. The Early Hellenistic Peloponnese: Politics, Economies, and Networks, 338–197 BC. Cambridge: University Press, 2018. 355 p.

41. Walbank F.W. Hellenes and Achaeans: “Greek nationality” revisited // Walbank F.W. Polybius, Rome, and the Hellenistic World. Cambridge: University Press, 2002. P. 137–152.
42. Jung M. Marathon und Plataiai: Zwei Perserschlachten als lieux de memoire im antiken Griechenland. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2006. 427 S.
43. Wallace S. The Significance of Plataia for Greek Eleutheria in the Early Hellenistic Period // Creating a Hellenistic World / Ed. A. Erskine, L. Llewellyn-Jones. Swansea: The Classical Press of Wales, 2011. P. 147–176.
44. Being Greek under Rome: Cultural Identity, the Second Sophistic, and the Development of Empire / Ed. Goldhill S. Cambridge: University Press, 2001. 404 p.
45. Williamson G. Aspects of Identity // Coinage and Identity in the Roman Provinces / Ed. C. Howgego, V. Heuchert, A. Burnett. Oxford: University Press, 2005. P. 19–27.
46. Swain S. Hellenism and Empire: Language, Classicism, and Power in the Greek World, AD 50–250. Oxford: Clarendon, 1996. 512 p.